

УДК 930.85

DOI: 10.17223/19988613/75/5

М.Н. Козлов

К ВОПРОСУ О ПРИЧАСТНОСТИ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА К МАСШТАБНОЙ КАТАСТРОФЕ КОНЦА X в. В ХЕРСОНЕСЕ

Основная цель исследования – определить, сохраняет ли научную значимость доминирующая в настоящее время в исторической науке гипотеза о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. На основе анализа памятников древнерусской письменности, сообщений иностранных авторов и данных археологических исследований опровергается теория масштабного истребления жителей Херсонеса войсками дружины Владимира. Сделан вывод о том, что Корсунский поход князя Владимира значительно ослабил жителей Херсонеса и сделал их легкой добычей эпидемии чумы.

Ключевые слова: Херсонес, Корсунский поход, масштабная катастрофа, тотальный пожар, эпидемия чумы

Древнерусский князь Владимир Святославич – одна из самых ярких личностей отечественной средневековой истории. О князе – крестителе Руси упоминают отечественные летописцы, арабские и византийские историки, германские и западнославянские хронисты, авторы норманнских саг.

Несмотря на богатую и разностороннюю источниковедческую базу, о многих исторических событиях эпохи правления Владимира Святославича нам известно очень мало. Так, отечественные летописи после 983 г. как будто теряют интерес к историческим событиям. В «Повести временных лет» и ряде других подобных источников можно найти массу легендарного материала от объемной «Речи Философа» до народных сказок о Никите Кожемяке. Весь данный вставной материал чередуется с рядом «пустых лет» или сообщениями о смерти того или иного исторического деятеля. Создается впечатление, что кто-то попросту вычеркнул из летописи информацию о значимых исторических событиях. Исключение составляют лишь те сообщения, что были связаны собственно с христианизацией Руси. Однако и эти скудные, но чрезвычайно важные сведения утопают в общей массе легендарного агиографического материала.

Поход Владимира на Херсонес вызывал большой интерес отечественных исследователей. Однако скудность историографической базы исследования и противоречивость различных данных, сообщенных в источниках, способствовали появлению в отечественной историографии различных точек зрения на некоторые детали Корсунского похода. Так, если причины похода, маршрут движения русской дружины и расположение войск Владимира во время осады Херсонеса исследователями установлены достаточно надежно, то такой важный аспект похода, как его последствия для несчастных жителей Херсонеса, до сих пор вызывает острую полемику в исторических исследованиях.

В 1936 г., во время раскопок в северном и западном районах Херсонеса, при исследовании археологического слоя конца X в. были обнаружены следы тотального пожара, руины разрушенных зданий и братские могилы [1. С. 217, 232–238, 252]. Только на кладбище у «Бази-

лики на холме» обнаружено около 150 могил, из них 10 – с массовыми захоронениями [2. С. 27]. За редким исключением, весь нумизматический материал в слоях, связанных с пожарами, относится к IX–X вв. [3; 4. С. 62]. Многочисленные клады, найденные исследователями в разрушенных кварталах Херсонеса, также относятся к концу X в. [5. С. 461; 6. С. 84].

В этой связи в отечественной гуманитарной науке возникла гипотеза, согласно которой люди, захороненные в братских могилах, были убиты дружинниками Владимира во время Корсунского похода [4. С. 65; 6. С. 84; 7. С. 28–29]. С данной точкой зрения категорически не согласны сторонники сейсмической теории, по мнению которых тотальный пожар и гибель значительного числа населения в северных и западных районах Херсонеса были вызваны мощным землетрясением [8. С. 77; 9]. Влияние же Корсунского похода на жизнь жителей Херсонеса, по их мнению, было незначительным [8. С. 80]. Таким образом, в современной отечественной историографии нет консолидированной точки зрения относительно последствий Корсунского похода князя Владимира.

Большинство отечественных исследователей, как сторонники теории причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в., так и их оппоненты – приверженцы сейсмической теории, использовали при реконструкции исторических событий письменные источники и материалы археологических исследований 30–90-х гг. XX в. Между тем к началу XXI в. накопилась некая «критическая масса» нового археологического материала, позволяющая более детально изучить многие аспекты Корсунского похода. Кроме того, в исследовании, при реконструкции исторических событий, произошедших в Херсонесе в конце X в., были впервые использованы сообщения западноевропейских хроник об эпидемии чумы, свирепствовавшей в Германии в конце X – начале XI в. Сопоставление данных источников с материалами археологических исследований Херсонеса конца X–XI в. позволило реконструировать неизвестные нам до сих пор печальные страницы из жизни местных жителей той эпохи.

Определить, сохраняет ли научную значимость доминирующая в настоящее время в исторической науке гипотеза о причастности князя Владимира и его дружины к масштабной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. – основная цель данной статьи.

Наиболее информативными источниками изучения поставленной в данном исследовании темы являются отечественные письменные источники: «Повесть временных лет», а также один из списков «Жития князя Владимира». Важное значение имеют также отрывочные сообщения византийских, германских историков и хронистов, данные восточных авторов – Льва Диакона, Михаила Пселла, Иоанна Скилицы, Титмара Мерзенбургского, Константина Асохика, Аль-Малкина.

Исключительное значение в свете изучения причин и последствий Корсунского похода имеют также результаты раскопок средневекового Херсонеса конца X – начала XI в., особенно его северных и западных районов [1; 2; 4. С. 68–146].

Можно предположить, что страшные последствия похода князя Владимира на Херсонес во многом являлись следствием ожесточенного сопротивления жителей города и жесткой позиции местной элиты во время переговоров с князем Владимиром. Так, из «Повести временных лет» мы узнаем о том, что жители Херсонеса «боряхуся крѣпко изъ града». Владимир пытался договориться с архонтом о сдаче города, но «он не послушаша того». Город был занят лишь по вине предателя, когда местные защитники «изнемогоша гладомъ и водною жаждою» [10. С. 49–50].

Как следует из источника, сразу после прибытия русского отряда под стены Херсонеса между Владимиром и руководством города начались переговоры о сдаче. Можно предположить, что в дальнейшем переговоры периодически возобновлялись, и чем больше осложнялась ситуация в осажденном городе, тем больше в Херсонесе появлялось сторонников сдачи города. В конечном итоге во время очередных переговоров осажденные приняли условия русского князя. В отечественных письменных источниках упоминаются ренегаты, помогавшие Владимиру добиться цели: священник Анастас Корсунянин и варяг Ижберн.

А.А. Роменский предположил, что Анастас Корсунянин и Ижберн – это два имени одного и того же человека (христианское и языческое) [11. С. 11]. Однако в таком случае неясно, зачем варягу-наемнику понадобилось брать греческое имя Анастас? К тому же в средневековой традиции прозвище человека указывало на место его рождения. То есть Анастас Корсунянин – это человек, родившийся в городе Корсунь. Скорее, можно согласиться с мнением С.Б. Сорочана, Л.В. Марченко и В.М. Зубаря о том, что в городе существовала партия сторонников сдачи города, ведущая тайные переговоры с противником [12. С. 293].

Согласно данным археологии в Херсонесе конца X в. действительно находились воины-норманны. Об этом свидетельствуют обнаруженные исследователями останки людей, захороненных в конце X в. по языческим норманнским канонам, и сопровождающий материал скандинавского происхождения [2. С. 28–29]. Норманны-наемники могли настаивать на сдаче города Вла-

димир, в войске которого находилось немало их соотечественников. По мнению В.Г. Василевского, среди варягов воинского гарнизона Херсонеса вполне могли находиться и те, что ушли на службу в Византию из Киева в 980 г. [13. С. 181].

Кроме официальных переговоров с руководством города, воины Владимира вполне могли общаться с тайными сторонниками русского князя посредством стрел с записками, упоминаемых в русских источниках. О том, что Владимир Великий не гнушался тайными переговорами с воеводами своих противников, свидетельствует отрывок из «Повести временных лет», в котором приводится любопытный рассказ о том, как воеводы-варяги князя Ярополка, соблазненные обещаниями Владимира, уговорили своего повелителя выйти из осажденного Владимиром Родня на переговоры к брату [10. С. 36].

После сдачи Херсонеса в городе ожидаемо начались репрессии против местной элиты, чья жесткая переговорная позиция стоила жизни многим воинам Владимира. Так, в списке жития Владимира особого состава находим подробное описание трагедии, произошедшей с семьей архонта в Херсонесе после сдачи города: «И въниде Владимиръ въ градъ и дружина его, князя Корсоуньского и съ княгынею поима, а дъщерь ею къ себѣ взявъ въ шатерь, князя же и княгыню привязав оу шатерьныя сохы и съ дъщерию ею предъ ними беззаконие сътвори, и по трехъ дньхъ князя и княгыню повеле съмрти предати, а дъщерь ею дасть за преждедеченаго Жьдѣберна съ многымъ имениемъ и постави его намѣстникъмъ Корсоуну граду» [14. С. 111].

Скорее всего, Владимир не ограничился расправой над архонтом и его семьей. Репрессии должны были обрушиться на всю местную элиту (кроме ренегатов, перешедших на сторону Владимира). Слухи о расправах Владимира над жителями Херсонеса дошли до тогдашней Германии. Так, Титмар Мерзенбургский упомянул в своей Хронике «бесчинства, творимые Владимиром над бедными данайцам» [15. С. 91]. Неслучайно византийский историк Лев Диакон назвал захват Херсонеса Владимиром одной из двух тягчайших бед того времени наряду с завоеванием болгарями Веррии [16. С. 91].

Не подлежит сомнению и факт грабежа захваченного города воинами Владимира. Так, во многих отечественных письменных источниках сообщается, что Владимир привез из Херсонеса «м'дянь двѣ капищи, и 4 кони м'дяны, иже и нынѣ стоятъ за святою Богородицею, якоже нев'дущѣ мнѣя я мрамаряны суща» [10. С. 52].

В польской хронике Мартина Броневского конца XVI – начала XVII в. приводится любопытный рассказ том, как Владимир заставил местных греков снимать медные ворота с одной из херсонесских церквей [17. С. 23].

Расправа над частью местной элиты и грабежи жителей Херсонеса могли сопровождаться поджогами и вызвать тотальный пожар в северной и западной частях города. Однако данный факт не объясняет наличия братских могил в некрополях Херсонеса. Люди, захороненные в общих могилах конца X в., не были

убиты холодным оружием. Останки людей со следами смертельных боевых травм были обнаружены в единичных случаях [18. С. 213].

К тому же, как верно заметил В.В. Хапаев, тела убитых воинами Владимира мирных жителей были бы захоронены оставшимися в живых родственниками согласно православным канонам, а не брошены бессистемно в одну общую могилу [8. С. 80].

Публичная расправа над частью городской элиты Херсонеса, упорствующей в сдаче города, была единственной альтернативой поголовному истреблению всех горожан. Весьма поредевшая русская дружина видела захваченный город своей законной добычей и жаждала мести за долгое и ожесточенное сопротивление жителей Херсонеса. Владимиру необходимо было успокоить свое войско и не допустить поголовного уничтожения горожан. Русскому князю был необходим многолюдный нормально функционирующий Херсонес как козырь в дальнейших переговорах с византийским императором. Таким образом, братские могилы жителей Херсонеса, обнаруженные в археологическом слое конца X в. в северной и западной частях города, не были напрямую связаны с Корсунским походом князя Владимира.

В настоящее время все большую популярность набирает так называемая сейсмическая теория, согласно которой многочисленные жертвы в Херсонесе были вызваны страшным землетрясением, произошедшим в конце X–XI в. О фатальном землетрясении в Византии в конце X в. действительно сообщают многие письменные источники. Так, данное стихийное бедствие упоминает в своей Истории Лев Диакон: «Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия, страшное землетрясение, какому равного не было в те времена, опрокинуло башни Византия, повалило множество домов, которые стали могилами для их обитателей, соседние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть мирным жителям [16. С. 91].

Сообщение Льва Диакона позднее повторили компиляторы Михаил Пселл и Иоанн Скилица [19. С. 92, 102], а также армянский писатель конца X – начала XI в. Константин Асохик [Там же. С. 179]. Сирийский автор середины XIII в. Амид-Аль-Малкин сообщил о том, что стихийное бедствие помимо самого Константинополя затронуло также город Никомедию, находящийся недалеко от византийской столицы: «В четырнадцатый год Василия, царя римлян, который был 379 (годом гиджры), были в Константинополе большие землетрясения, и упала третья часть храма св. Софии и обрушились многие здания в Никомедии на своих обитателей [20. С. 82].

Все без исключения письменные источники датируют масштабное землетрясение концом X в. И этой датировке можно верить. В самом деле, о каком землетрясении в начале XI в. (по версии В.В. Хапаева [8. С. 77]) или во второй половине XI в. (по мнению А.И. Романчук [21. С. 409]) мог писать Лев Диакон, если он скончался в Малой Азии около 1000 г.?

В известных нам источниках говорится о человеческих жертвах лишь в самом Константинополе и его окрестностях. Херсонес же находился от столицы им-

перии на значительном расстоянии. Кроме того, не очень ясно, почему масштабное землетрясение, наделавшее бед окрестностям столицы империи, так избирательно разрушила Херсонес – только северную и западную части, а остальные районы остались неповрежденными? Согласно данным археологии, в юго-восточном, портовом и южном районах Херсонеса повсеместные слои разрушения зафиксированы не были [5. С. 461].

Как правило, при землетрясении люди погибают под обломками зданий или от спровоцированных стихийным бедствием наводнений и пожаров. Согласно археологическим данным, в конце X в. действительно произошел масштабный пожар в северной и западной частях города, но среди обнаруженных исследователями останков людей в братских могилах не встречены обожженные кости или человеческие останки со следами травм, которые бы были характерны для людей, погибших при пожаре или при обрушении зданий [18. С. 213].

Таким образом, скорее всего, люди, чьи останки были найдены в коллективных захоронениях, умерли не в результате землетрясения.

В братских могилах захоронены люди разных возрастов, умершие в одно и то же время своей смертью. Их останки были бессистемно свалены в большие ямы [2. С. 27]. С.А. Беляев предположил, что захороненные в данных могилах люди умерли от какой-то заразной болезни, но сам же опроверг свою теорию предположением, что людей, умерших во время эпидемий, хоронили на окраинах города [Там же. С. 28]. Эту гипотезу охотно поддержал В.В. Хапаев [8. С. 80].

Однако в средневековой Европе не существовало практики хоронить умерших во время эпидемий на окраинах поселений. Даже во время пандемии Черная смерть трупы умерших от чумы бессистемно сваливали в большие чумные ямы, выкопанные в освященной земле вблизи городских церквей и монастырей. Так, Джованни Боккаччо в предисловии к «Декамерону» описывает процедуру захоронения умерших следующим образом: «На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд – и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху [22. С. 12].

Описание погребения умерших от чумы людей из сообщения Боккаччо точно соответствует процедуре погребения в братских могилах конца X в., открытых археологами в северной и западной частях Херсонеса. Так, например, в могиле № 22 на кладбище у «Базилики на холме» погребенные были не положены, а брошены. Они лежали не ровными рядами, а кое-как, иногда наискось могилы. Не были выдержаны и горизонтальные слои. Углубления для захоронения были вырыты в насыпном грунте, а сами могилы оформлены кое-как; стенками им служили положенные на землю архитектурные детали [2. С. 27].

Как и в Европе во время пандемии Черная смерть, трупы одновременно умерших людей разных возрас-

тов бессистемно сваливали в огромные ямы вблизи церквей. К тому же, как правило, дома, в которых люди умерли от чумы, сжигались вместе со всем содержимым. Церкви и монастыри во время чумы становились главными рассадниками заразы. В культовых зданиях находились трупы умерших до погребения, здесь же собиралось население города, вымаливая себе и своим близким спасение от чумы. Церкви и монастыри часто использовались и в качестве лазаретов, где больных чумой пытались лечить чумные доктора.

Таким образом, культовые здания в северной и западной частях города вполне могли сжечь сами жители Херсонеса, стремясь остановить распространение эпидемии в городе. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что, по данным археологических исследований, в указанный период был не один, а несколько пожаров, произошедших примерно в одно и то же время [3. С. 143].

Чума вполне могла прийти в Херсонес вместе с торговыми кораблями из западной Европы. Она вовсе уже бушевала в то время в германских землях, ослабленных голодом. Саксон Грамматик описывает голод в тогдашней Западной Европе следующим образом: «В то время необычайно плохая погода стала причиной гибели урожая и очень высоких цен на зерно. Тяготы голода совершенно истощили оставшихся без еды людей, и было решено перебить всех стариков и младенцев [23. С. 305–306]. Голод в Европе спровоцировал эпидемию чумы, которая началась, по данным Титмара Мерзбургского, в 983 г. в землях полабских славян и чрезвычайно их ослабила: «Король опять подчинил ослабленных чумой восставших славян. Сильная жара нанесла большой вред плодам, а жестокая смертность — людям» [15. С. 53].

Далее в своей хронике автор регулярно сообщает о чуме в Германской империи вплоть до 1000 г. Так, в записи за 999 г. мы находим в источнике следующее: «Между тем в некой деревне, называемой Гордорф, родился ребенок, наполовину человек, в остальном похожий на гуся. Великую чуму принес этот урод за грехи наши» [Там же. С. 53–56].

Сообщения о голоде и чуме в 988–989 гг. находим также в Кведлинбургских анналах: «Страшная летняя жара погубила почти весь урожай. Вскоре последовала сильная смертность среди людей. Появились кометы, за которыми последовал страшный мор среди людей и скота, особенно среди коров [24. С. 47]. Схожие данные сообщает нам и Хроника Саксона Анналиста [25. С. 219].

О том, что голод и чума обрушились не только на Германию, но и на византийские земли, сообщает нам Лев Диакон: «И на другие тяжчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды. И крайне бедственный голод, болезни, засухи и бурные порывы губительных ветров случились тогда» [16. С. 91].

Лев Диакон, сообщивший о болезнях в византийских землях, умер приблизительно в 1000 г. в Малой Азии, а значит, эпидемия чумы должна была начаться в конце X в., между 988 (время ухода русской дружины) и 1000 г. Если бы чума пришла в город до ухода русской дружины, то русские воины принесли бы ее на Русь и об эпидемии в восточнославянских землях сообщили бы русские летописи.

Жители Херсонеса уже были ослаблены осадой и последовавшим за ним голодом. Неслучайно в древнерусских письменных источниках подчеркивается, что жители Херсона во время осады «изнемогша гладемь» [14. С. 111]. Значительная часть взрослого населения погибла, обороняя город от вражеского нашествия или во время последующих за сдачей Херсонеса репрессий русской дружины.

После ухода русской дружины из Херсонеса в городе осталось измученное войной и голодом население, существенную часть которого составили дети. Не удивительно, что значительная часть человеческих останков, найденных в братских могилах, оказалась детскими. Так, в одной из могил конца X в., открытых археологами в северной части Херсонеса, были найдены останки 32 детей, лежащих в беспорядке. В другой братской могиле были найдены останки 11 детей разных возрастов [1. С. 233, 237].

Таким образом, можно предположить, что в братских могилах, обнаруженных в археологическом слое конца X — начала XI в. северного и западного районов города хоронили умерших от чумы, случившейся после ухода русской дружины из города в конце X в. Тотальный пожар, вызвавший разрушение зданий, был спровоцирован самими херсонесцами, сжигавшими здания, ставшие рассадниками заразы.

Согласно данным археологии, глобальная катастрофа, случившаяся в Херсонесе в конце X в., привела к катастрофическому сокращению населения города, упадку ремесел и торговли [9. С. 182]. О гуманитарной катастрофе, произошедшей в Херсонесе в XI в., красноречиво свидетельствует тот факт, что часть оставшихся в живых жителей города была вынуждена ютиться в нежилых помещениях: склепах или водозаборных цистернах [8. С. 78–79].

В целом же можно сделать вывод, что князь Владимир и его дружина были косвенно причастны к катастрофе, произошедшей в Херсонесе в конце X в. Часть жителей города погибла во время осады или в результате последовавших за сдачей города репрессий. Осада и военные действия ослабили население Херсонеса, однако большая часть жителей города, судя по состоянию захоронений, погибла в конце X в. во время эпидемии неизвестной болезни, вероятнее всего — чумы, которая свирепствовала в то время в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г.Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1941. № 4. С. 202–268.
2. Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «Церковь на горе» в Корсуні, построенная князем Владимиром // *Byzantinorussica*. 1994. № 1. С. 7–47.
3. Туровский Е.Я., Яшаева Т.Ю. Христианские древности из слоя пожара X в. в юго-восточном районе Херсонеса // *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис : IX Международный Византийский Семинар : материалы науч. конф. Севастополь : Колорит, 2017. С. 143–145.*

4. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсон // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1959. № 63. 364 с.
5. Завадская И.А. Катастрофа в Херсоне в конце X–XI вв.: критика гипотезы о землетрясении // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. XVI. С. 455–487.
6. Айбабин А.И., Макарова Т.И. Крым в X – первой половине XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья VI–XIII веков / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 2003. С. 68–146.
7. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1953. № 34. С. 11–31.
8. Хапаев В.В. Некрополи средневекового Херсона как источник по истории разрушения города в начале XI века // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2012. Вып. IV. С. 77–84.
9. Романчук А.И. Слои разрушения X в. в Херсонесе: к вопросу о последствиях Корсунского похода Владимира // Византийский временник. 1989. Т. 50. С. 182–188.
10. Повесть временных лет. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
11. Роменский А.А. Корсунский поход князя Владимира: обстоятельства осады и захвата города // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 5–15.
12. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь: Библекс, 2006. 826 с.
13. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1908. Т. 1. 401 с.
14. Житие князя Владимира особого состава // Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб.: Изд-во Тип. Имп. Акад. наук, 1906. С. 110–116.
15. Титмар Мерзбургский. Хроника: в 8 кн. / под ред. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009. 256 с.
16. Лев Диакон. История / под ред. Г.Г. Литаврина. М.: Наука, 1988. 238 с.
17. Броневский М. Описание Татарии. Киев: Изд-во Стрельбицкого, 2015. 79 с.
18. Иванов А.В. Внутригородские некрополи конца X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности: харьковский историко-археологический ежегодник. 2012. Т. 11. С. 211–222.
19. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1909. Т. 2, ч. 1. 295 с.
20. Василевский В.Г. Собрание трудов. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1912. Т. 2, ч. 2. 427 с.
21. Романчук А.И. Исследования Херсонеса–Херсона: раскопки, гипотезы, проблемы. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. Т. 2: Византийский город. 544 с.
22. Бокаччо Дж. Декамерон / пер. Н. Любимова. М.: Фирма АРТ, 1992. 464 с.
23. Саксон Грамматик Деяния даннов / пер. с лат. яз. и коммент. А.С. Досаева, И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2017. Т. 1. 607 с.
24. Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий / пер. И.М. Дьяконова, В.В. Рыбакова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 15–89.
25. Саксон Анналист. Хроника 741–1139 / пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2012. 712 с.

Mikhail N. Kozlov, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: kmn_75@mail.ru

ON THE QUESTION OF PRINCE VLADIMIR'S INVOLVEMENT INTO A LARGE-SCALE CATASTROPHE IN THE CITY OF CHERSONESOS IN THE LATE X CENTURY

Keywords: Chersonesos, the Korsun campaign, large-scale disaster, total fire, plague epidemic.

The main goal of this study is to determine whether the hypothesis of the involvement of Prince Vladimir and his squad in the large-scale catastrophe that occurred in Chersonesus at the end of the 10th century still retains its scientific significance.

The materials of archaeological excavations in Chersonesos of the late X – early XI centuries as well as Old Russian chronicles were the main source used while working on this study. An important role in the study was also played by various foreign sources: the Scandinavian, Germanic and Byzantine chronicles, and the reports of Arab authors.

Two currently dominant hypotheses in modern historical science related to the involvement of Prince Vladimir and his squad in the large-scale catastrophe that had occurred in Chersonesos at the end of X century are revealed in this article. According to the first of them, mass graves in the city and a great fire had been caused by repressions of Vladimir's squad against the locals. According to the other scientists, the Korsun campaign was insignificant for the inhabitants of Chersonesos, and the large-scale disaster had been related to a terrible earthquake at the beginning of the XI century.

Having analyzed the Old Russian written texts, foreign authors' reports and archaeological research data, the author managed to refute the theory of large-scale extermination of Chersonesos citizens by the soldiers of Vladimir's squad, which has been dominating in Russian science. The study also presents arguments against the opposite point of view, according to which the influence of Vladimir's campaign on Chersonesos was insignificant, and the multiple death of most Chersonesos citizens had been caused by large-scale earthquake.

Based on the reports of the German chroniclers and Leo the Deacon about a terrible plague epidemic in Europe at the end of the X century, the author suggests that a large-scale disaster in one of the main Black Sea ports at that time had been caused by a plague epidemic.

The author comes to the conclusion that the scientific hypothesis about the involvement of Prince Vladimir and his force in a large-scale catastrophe that occurred in Chersonesos at the end of the X century only partly reliable. Part of the inhabitants of the city perished during the siege or repression caused by the Russians. The siege and military actions weakened the people of Chersonesos and provoked an epidemic of plague that occurred at the end of the 10th century and led to extinction of most of the city's population.

REFERENCES

1. Belov, G.D. (1941) Raskopki v severnoy chasti Khersonesa v 1931–1933 gg. [Excavations in the northern part of Chersonesus in 1931–1933]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 4. pp. 202–268.
2. Belyaev, S.A. (1994) “Bazilika na kholme” v Khersonese i “Tserkov' na gore” v Korsuni, postroennaya knyazem Vladimirom [“Basilica on the Hill” in Chersonesus and “Church on the Mountain” in Korsun, built by Prince Vladimir]. In: Bibikov, M.V. *Byzantinorussica [Byzantinorussica]*. Vol. 1. pp. 7–47.
3. Turovsky, E.Ya. & Yashaeva, T.Yu. (2017) Khristianskie drevnosti iz sloya pozhara Kh v. v yugo-vostochnom rayone Khersonesa [Christian antiquities from the fire layer of the 10th century in the southeastern region of Chersonesus]. *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis [ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: empire and polis]*. Proc. of the 9th International Byzantine Seminar. Sevastopol: Kolorit Publ. pp. 143–145.
4. Yakobson, A.L. (1959) Rannesrednevekovyy Kherson [Early medieval Cherson]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 63.
5. Zavadskaia I.A. (2010) Katastrofa v Khersone v kontse X–XI vv.: kritika gipotezy o zemletryaseni [Disaster in Cherson in the late 10th – 11th centuries: the hypothesis of an earthquake criticized]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii – Materials in Archaeology History and Ethnography of Tauria*. 16. pp. 455–487.

6. Aybabin, A.I. & Makarova, T.I. (2003) Krym v X – pervoy polovine XIII vv. [Crimea in the 10th – the first half of the 13th centuries]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu Srednevekov'ya VI–XIII vekov* [Crimea, Northeastern Black Sea and Transcaucasus in the Middle Ages of the 6th – 13th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 68–146.
7. Belov, G.D. (1953) Severnyy pribrezhnyy rayon Khersonesa [Northern coastal region of Chersonesus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)*. 34. pp. 11–31.
8. Khapaev, V.V. (2012) Nekropoli srednevekovogo Khersona kak istochnik po istorii razrusheniya goroda v nachale XI veka [Necropolises of medieval Kherson as a source on the history of the destruction of the city at the beginning of the 11th century]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 4. pp. 77–84.
9. Romanchuk, A.I. (1989) Sloi razrusheniya X v. v Khersonese: k voprosu o posledstviyakh Korsunskogo pokhoda Vladimira [Layers of destruction in the 10th century in Chersonesus: on the consequences of Vladimir's Korsun campaign]. *Vizantiyskiy vremennik – Byzantina Xronika*. 50. pp. 182–188.
10. Adrianova-Peretz, V.P. (ed.) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Romenskiy, A.A. (2016) Korsunskiy pokhod knyazya Vladimira: obstoitel'stva osady i zakhvata goroda [The Korsun campaign of Prince Vladimir: the circumstances of the siege and capture of the city]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 1(63). pp. 5–15.
12. Sorochan, S.B., Zubar, V.M. & Marchenko, L.V. (2006) *Zhizn' i gibel' Khersonesa* [The Life and Death of Chersonesus]. Sevastopol: Bibleks.
13. Vasilevskiy, V.G. (1908) *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Anon. (1906) *Zhitie knyazya Vladimira osobogo sostava* [The Life of Prince Vladimir of Special Composition]. In: Shakhmatov, A.A. *Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira* [The Korsun Legend about the Baptism of Vladimir]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 110–116.
15. Thietmar of Merseburg. (2009) *Khronika* [Chronicle]. Translated from Latin by I.V. Diakonov. Moscow: Russkaya Panorama.
16. Leo the Deacon. (1988) *Istoriya* [History]. Translated from Latin. Moscow: Nauka.
17. Bronevsky, M. (2015) *Opisanie Tatarii* [The Description of Tataria]. Kyiv: Izd-vo Strel'bitskogo.
18. Ivanov, A.V. (2012) Vnutrigorodskie nekropoli kontsa X–XIV vv. kak element istoricheskoy topografii vizantiyskogo Khersona [Intra-urban necropolises of the late 10th–14th centuries as an element of the historical topography of Byzantine Kherson]. *Drevnosti: khar'kovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik*. 11. pp. 211–222.
19. Vasilevskiy, V.G. (1909) *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 2(1). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
20. *Sobranie trudov* [Collected Works]. Vol. 2(2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
21. Romanchuk, A.I. (2008) *Issledovaniya Khersonesa–Khersona : raskopki, gipotezy, problemy* [Explorations of Chersonesus–Kherson: excavations, hypotheses, problems]. Tyumen: Tyumen State University.
22. Boccaccio, J. (1992) *Dekameron* [The Decameron]. Translated from Italian by N. Lyubimov. Moscow: Firma ART.
23. Saxo Grammaticus. (2017) *Deyaniya dannov* [Acts of the Danes]. Vol. 1. Translated from Latin by A.S. Dosaev, I.A. Nastenka. Moscow: Russkaya Panorama.
24. Anon. (2012) *Nemetskie annaly i khroniki X–XI stoletiy* [German annals and chronicles of the 10th – 11th centuries]. Translated by I.M. Dyakonov, V.V. Rybakov. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science. pp. 15–89.
25. Saxo Annalist. (2012) *Khronika 741–1139* [Chronicle of 741–1139]. Translated from Latin by I.V. Dyakonov. Moscow: Russkaya panorama.